

СЕКУЛЯРИЗМ И РЕЛИГИОЗНАЯ ВЕРА

Не будет преувеличением сказать, что в начале 1990-х годов падение "железного занавеса" в странах постсоветского пространства ознаменовало начало религиозного возрождения. Однако уже через несколько лет религия стала обыденной частью общественной жизни и во многом потеряла свою актуальность для современного человека. Даже поверхностный анализ массовой религиозности показывает, что здесь мы имеем дело с особым феноменом — *секуляризмом*. Опираясь на работы А. Безансона, А. Камю, Г. Киселева, А. Кырлежева, В. Петрова (Домонтовича), П. Тиллиха, М. Эпштейна, С. Эскобара, мы попытаемся проанализировать специфику этого духовного явления в сравнении с религиозной верой и показать динамику мировоззренческих установок на грани XX—XXI веков.

Вначале мы дадим определение понятия "религиозная вера" как более древнего и привычного явления. Термин "религия" традиционно возводят к латинскому *religare* — объединять (человека с Богом) или *religio* — святое, объект поклонения, культа. В таком контексте слово "вера" также прочитывается двояко: как *доверие* Богу и как личная *верность* взятым перед Ним обязательствам. Таким образом, религиозная вера — это поиск человеком *Абсолюта*, т.е. объекта служения и эталона жизни, это вера-поклонение.

По нашему убеждению, секуляризм — это главный ключ к пониманию характера современных религиозных поисков. Хотим заявить об открытости данного термина и нашем описательном подходе к его анализу. Это концепт *массового мышления*, а не продукт отдельной философской школы. Слово "секуляризм" без принципиальных потерь смысла можно заменить синонимами "секуляризация", "обмирщение", "светскость", "иррелигиозность". Оно происходит от лат. *saecularis* — относящийся к данному столетию, поколению. Постепенно его стали употреблять в значении освобождения чего-либо / кого-либо от влияния церкви / религии [1:125].

История секуляризации Европы состоит из двух основных периодов. Просвещение заложило основы начального обмирщения, которое характеризовали антропоцентричная космология, человеческий разум как универсальный критерий познания, причинно-следственный детерминизм, вера в науку и неизбежный прогресс, автономизм человеческого индивида. Людвиг Фейербах дал следующую характеристику этой новой парадигмы: "Индивидуальность заняла место веры, разум — место Библии, политика — место религии и церкви, земля — место неба, труд заменил молитву, нищета стала земным адом, а человек — Христом" [2:230].

Современный период — это главным образом XX столетие, на протяжении которого были "подняты на щит" и затем отвергнуты практически все перечисленные черты данного мировоззрения. Светское мышление XX столетия характеризуется потребностью в новой космогонии, сознанием личной причастности к разрушению целостности мира и стремлением возвратиться к извечным ценностям, разочарованием, недоверием авторитетам и релятивизмом, потребностью в глубоких человеческих взаимоотношениях. Оно констатирует ограниченность разума и потребность в вере и опыте, устарелость абсолютной обусловленности, признает существование сверхъестественного. Очевидно, "что кризис технико-экономически-механического прогресса оборачивается деградацией культуры, финал которой — кризис ренессансного гуманизма и гуманизма Нового времени. В принципе... каждая культурно-историческая эпоха проходит через кризисные состояния. Так, эпоха Нового времени — это большой кризис метафизики, поскольку новые естественные науки подорвали веру в философию. Кризис физики вызвал кризис рационализма, связанный с изменением образа мира и потерей его объективности" [3:470].

Обмирщенное мышление — это комплексное явление, большинство причин которого сводится к быстрому достижению цивилизацией высокого технологического уровня. Глобализация и урбанизация, бурное индустриальное развитие отрывают человека от природы, земли. В отличие от годового

земледельческого цикла с чередующимися формами деятельности, производство своей монотонной стабильностью уподобляет рабочего машине, обезличивая его, но в то же время насаждая сознание своей исключительности и всемогущества.

С другой стороны, взаимопроникновение культур, прозрачность демократических режимов способствуют ознакомлению интеллигенции со многими подходами к идентичным проблемам — так возникает акцент на множественности и неоднозначности вещей, которая вызывает у интеллектуальной элиты (и не только) раздвоенность, сомнения в познаваемости мира, веру в уникальность жизненного выбора каждого человека и его право поступать по указанию своей совести. Обе тенденции лишают человека какого бы то ни было Абсолюта вне себя, концентрируя поиск истины (а этот поиск — непреходящая потребность души) на себе. Современный путь человека — это пандемия его личного мнения, которое, *как ни странно*, формируется, и притом всё более навязчиво, внешним, т.е. обществом (той же рекламой). И это не последняя проблема. Современный человек, ошибаясь и терпя поражение в своих проектах, вдруг понимает, что от него не всё зависит и он, оказывается, не является истиной в последней инстанции, а цивилизация отнюдь не всемогуща. Это приводит к разочарованию уже не только в Боге, но и в самом себе. Так необходимое личности ощущение полной безопасности — исчезает. Трудно отрицать, что подобное настроение характерно для нашего времени.

Таким образом, секуляризация — это неизбежный путь развития цивилизованного общества. Любая страна и культура, обеспечивающая доступ к образованию, тем самым открывает дверь сомнениям в вере, первичной уверенности в человеческих силах и определенной свободе от религиозного влияния. Положительные моменты религиозной веры начинают считаться пережитками прошлого, а всё внимание переключается на *альтернативы*, предоставляемые секуляризированным обществом. Но что это за альтернативы и, главное, к чему они ведут?

Феномен секуляризации не следует отождествлять с атеизмом или, например, марксизмом. На первый взгляд, секуляризация по отношению к религиозной вере является нейтральным процессом, который не уничтожает религиозное начало, а лишь выдвигает в качестве "святого" нерелигиозные ценности и цели. Обмирщение "освобождает" человека от влияния Бога и в то же время создает опустошенность и потребность в смысле жизни и взаимоотношениях с людьми. Итак, "секулярный человек — не атеист, а тот, для кого религия на практическом уровне ежедневного опыта перестала быть актуальной" [4:46].

Просвещение заменило средневековую модель вселенной "Бог-церковь-царь-человек-мир" на "человек-окружающая среда". Все понятия, обозначающие "тонкий" сверхъестественный мир, экстраполируются на значимые *земные* явления. Потому и термин "духовность", который обозначал сферу общения с Богом, отныне указывает на человеческую одаренность, порядочность или творческий труд.

Одним из принципиальных элементов здесь является понимание религиозности как подлинной человечности, высокого гуманизма; антропологичность и антропоморфизм определяют религиозные поиски этого времени. Принцип "Человек — мера всех вещей" применяется и к религиозной сфере. Индивидуализм ведет к предельной субъективизации религиозного чувства, внецерковности. Популярен взгляд, что Бог все равно живет в душе каждого, поэтому нет особой необходимости в конституализированной религиозной жизни. В области теологии можно выделить возрождение язычества и модернизацию ортодоксальных христианских учений. Внутри традиционных церквей засилье светскости обуславливает развитие либерально-критических и эклектичных концепций.

Таким образом, мы наблюдаем *скрытое отторжение* светскостью религиозной веры, веры-поклонения. На наш взгляд, возможные причины этого таковы.

Первое. Как показывает генезис секуляризма, в современном обществе последний является, так сказать, "удобной" альтернативой ряду аспектов религиозной веры. Но это "удобство" происходит не от психологических потребностей индивида, а воспитывается обществом как современный аналог гедонизма. Религиозная вера мешает человеку жить так, как он хочет. Секуляризм весьма эффективно закрывает глаза на *обязательные последствия* реализованных желаний — ведь все относительно и нет ничего абсолютного, которое регламентировало бы жизнь человека, спасая его от болезненного бумеранга поступков, резонанса которых он просто не знает или не хочет знать.

Второе. Если религиозное мышление строится по принципу "Бог — мера всех вещей" (теоцентризм), а эпоха Возрождения выдвинула лозунг "Человек — мера всех вещей" (антропоцентризм), то секуляризм, образно говоря, провозглашает позицию "Сам человек для себя — мера всех вещей", замыкая индивида в его "приватной вселенной" (которая, в конечном счете, "исчерпывает сама себя").

Далее, отрицание идеи Бога как личного спасителя фактически отбрасывает общество в дохристианскую эпоху многобожия и мистицизма. В связи с этим представляет интерес мысль Пауля Тиллиха о том, что Единый Бог Библии заявляет о Себе как о Боге *времени*, от влияния которого человек нигде не сможет укрыться. Он единственная Первопричина человеческого существования, и с ней индивиду нужно, прежде всего, наладить взаимоотношения. В свою очередь, языческие боги являются богами *места* с четко ограниченной сферой влияния, так что человеку вполне под силу откупиться от такого бога или же защититься от него определенными манипуляциями. Однако, когда последнее не удастся, человек ощущает полную зависимость от обстоятельств, попадая под тиранию фатализма; дискретность, "мельчание" мироздания делает его марионеткой в руках непредсказуемых сил. То есть первый вариант "оязычивания" жизни — тотальная предопределенность бытия.

С другой стороны, разочарование в Боге и человеке, крайний индивидуализм отторгает человека от прошлого и будущего, ограничивая его посюсторонним настоящим ("здесь и сейчас") и ориентируя на прагматизм. Релятивность, отсутствие авторитетов, состояние обреченности может в этом случае привести к иной жизненной позиции: если нет абсолютного, то из относительного я "выжму" максимум любой ценой; переступив через всё, возвышусь над собственной судьбой. Таков, например, путь воина в магическом учении Карлоса Кастанеды; более того, идеология такого многоликого и распространенного "квазирелигиозного" (П. Тиллих) движения, как "Новый Век", пронизана той же мировоззренческой тенденцией.

Итак, финал секуляризированного пути начинает приобретать всё более четкие очертания. Эмоциональная потребность в ярком стимуле и внутреннее неприятие бессмысленности и бесполезности жизни, потребность в чуде и перерастании видимого, материального, с одной стороны, и идущее от атеизма неприятие религии (и, прежде всего, христианства), с другой, подводит к мистике, которая волнует воображение, не постулируя при этом выраженных моральных норм.

Важно заметить, что "мостом" к мистицизму, способом приобщения к нему является *суеверие* как вера во *мнимую* причинно-следственную связь. Эта вера не маркирует лишь неграмотных людей, но определяет тип волюнтариста, которому недосуг вникать в источник сверхъестественной силы, а требуется лишь нужный результат, т.е. удовлетворение своего любого желания (ср. девиз Алистера Кроули "Делай, что хочешь").

Релятивизм экстраполируется также и на сферу этики. Секулярный человек живет в мире не добра и зла, а градаций и слияния противоположностей. "Мельчание" мира вызывает "мельчание" человека, а вместе с человеком мельчает и его мораль. Поклонение сиюминутному успеху делает человека бесчувственным ко злу и его проявлениям у себя, других людей и в обстоятельствах жизни. Такое отношение к проблеме зла, возвращенное на

субстрате суеверия и мистицизма, в того или иной степени приближает к сознательному сатанизму.

Подведем итоги. Мировоззренческий феномен секуляризма, связанный, среди прочего, с высоким техногенным ростом, предполагает видение множественности мира и господство плюралистического мышления, которое распространяется и на религиозную сферу. Для религиозных новаций современности характерны понимание религиозности как практического гуманизма, субъективная и антропоморфная набожность, внецерковность.

"Информационный взрыв" возвышает разум и вытесняет религиозную веру. Однако уже на этом этапе разум обнаруживает свою ограниченность. Но даже растерявшись перед сложностью новейшей модели мироздания, иррелигиозный человек не желает возвратиться к вере-поклонению, а после разочарования в самом себе отступает к языческому мистицизму.

Повторимся, что секуляризм — закономерный процесс развития цивилизации, и, образно говоря, это положение, когда "позитивные факторы вызывают негативные последствия". Мы не можем избежать вышеупомянутых общественных тенденций путем "упрощения задачи" (скажем, накладывая запреты на получение образования), и тот же опыт средневековой схоластики подтверждает это. Но мы призваны регулировать уровень обмирщенности собственной жизни, делая выбор между верой-поклонением и суеверием и не становясь заложниками затянувшейся моды на обожествление своих — не важно, возвышенных или кощунственных, — потребностей.

Литература

1. *Штеле Г.* Секуляризация и задачи церкви // Богословский вестник. — 2000. — № 3. — С. 125—139. 2. *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. — М., 1990. 3. *Огородник І., Огородник В.* Історія філософської думки в Україні. — К., 1999. 4. *Паулин Дж.* Библейская истина в современном мире. — Заокский, 2001.